

... Кто за свое дерется, тому и сила двойная дается ...

– Бой, данный в неправильном месте – проигранный бой... – приветствую, дорогие потомки, надеюсь, вы ещё не заскучали, потому что мы только в самом начале моего пути, и было бы весьма печально, если бы вы бросили чтение моей автобиографии на данном месте, верно?

Впрочем, не то чтобы меня это действительно волновало... в любом случае, возвращаясь к нашим баранам, необходимо прояснить диспозицию сил. Ранее были упомянуты силы, которые имели стороны. Теперь же, чтобы не нарушать традиции, необходимо вкратце обрисовать расположение частей непосредственно на поле битвы.

Начнём, пожалуй, с моего же войска:

Итак, на краю моего левого фланга находился Эригий Амфипольский с 370 спартанскими конниками и 630 наёмными конниками, в сумме – 1 000 конников. Справа от него располагался Эвмен Кардийский с 4 000 греческих наёмников. Справа уже от Эвмена находился Сократ Беотийский с 2 000 пельтастов.

Перед вышеупомянутыми силами находились застрельщики, Кнопий Аларийский с 2 000 критянских пращников и Филон Кносский с 1 000 неокритянских лучников. Собственно, вот и весь левый фронт – слабейшая часть войска, общее командование которой я поручил Эвмену Кардийскому, опытному полководцу.

Итак, далее – центр моего построения. Как ни странно, в центре моего построения находилась македонская фаланга, численность в 16 000 человек, под командованием Кратера Халкидикского и Птолемея, сына Трасея. Кратер командовал первой линией фаланги, а Птолемея – второй линией. Общее же командование центром моего построения осуществлял Кратер Халкидикский, как более опытный полководец.

Наконец, правый фланг. Итак, справа от центра находился Фоксид Ахейский с 5 000 греческих наёмников. Справа от него находился Эврилох Магнет с 2 000 гипаспистов. Справа уже от Эврилоха располагался Эхекрат Фессалийский, Филипп Эордейский и лично Я. Под нашим командованием находилась вся остальная конница, то есть, 3 000 всадников.

Перед нами также находились застрельщики – Деметрий Фаросский с 1 500 иллирийцев и Аттал Тимфейский с 500 агрианами. Общее командование правым флангом осуществлялось лично мной, как и общее командование армией, если судить с формальной точки зрения, но фактически общее командование правым флангом осуществлял Фоксид Ахейский, такой же греческий наёмник, как и Эвмен Кардийский. Общее командование армией же в моё отсутствие осуществлял Кратер Халкидикский.

Во всяком случае, подводя итоги, вышла следующая пропорция – 9 000 на левом фланге, 16 000 в центре, а также 9 000 на правом фланге.

Наконец, Раскупорид I, царь фракийского царства:

Правый фланг (начинаем с правого фланга, потому что расположение врага – зеркальное отражение моего) врага состоял из многочисленных фракийских племён, названия которых я даже не знаю, а потому я просто скажу вам, что правый фланг врага был, по совместительству, самым сильным флангом врага. Здесь он разместил 8 000 пехотинцев, 6 000 застрельщиков и 600 всадников.

Центр его построения же состоял из примерно 16 000 пехотинцев. Здесь размещались лучшие из воинов, представленные самыми воинственными из фракийских племён (здесь имеется ввиду географическая, а не этническая принадлежность), входивших в царство Раскупорида I.

Последний здесь же и располагался, к слову, осуществляя общее командование войском и, по совместительству, центром его построения. Выбор его, к слову, был не случайным – его армия была гораздо менее дисциплинированной и профессиональной, нежели моя, а потому для лучшего контроля над армией ему пришлось разместиться со своей свитой в центре.

Ну и, наконец, левый фланг Раскупорида I – 6 000 пехотинцев, 4 000 застрельщиков и ровно 200 всадников. Как вы уже могли понять, этот фланг был наиболее слабой точкой вражеского войска. Разумеется, именно по этой причине я и поставил наиболее сильные свои части напротив левого фланга врага, намереваясь победить врага мощным ударом по нему.

Собственно, примерно той же логики придерживался Раскупорид I, сделавший, точно также, как и я, ставку на свой правый фланг, намереваясь прорвать мой левый фланг, несомненно более слабый, чем его правый.

Разница между нашими стратегиями была лишь в том, что я хотел оттеснить его к горе, где я бы их осадил, а он хотел оттеснить мои силы к морю, которое располагалось справа от моего войска на расстоянии в пару километров.

В принципе, если бы наша кавалерия была бы равна в численности, он имел бы все шансы победить, но, к сожалению, всего кавалерии у меня было в 5 раз больше, чем у него, а если говорить про фланги, то на левом фланге я имел более чем в 1,5 раза больше всадников и в 15 раз больше на правом фланге.

К слову, Раскупорид знал о том, что у меня больше кавалерии, но не знал, насколько именно, что и сыграет с ним очень злую шутку в ближайшее время... впрочем, обо всём по порядку.

Наконец, сама битва. Не желая терять людей и время на перестрелку между лёгкой пехотой, осознавая неизбежное поражение против гораздо более многочисленных застрельщиков врага (4 000 у меня против 10 000 у врага), я начал наступление первым.

Наступление началось с выдвижения Фоксиды с 5 000 греческих наёмников и Эврилоха с его 2 000 гипаспистов на моём правом фланге. Ну и, разумеется, перед ними наступали Деметрий и

Аттал с лёгкой пехотой, которой пришлось вести неравный бой с вражескими застрельщиками, что превосходили их числом в 2 раза.

Тем временем, я выдвинулся с 3 000 тысячами конницы, находясь во главе своей агемы, членов которой я, для удобства различения отцовской и собственной агемы, называл молодыми гетайрами. Собственно, выдвинувшись во главе своих 600 молодых гетайров, я повёл всю конницу за собой, имея своей целью быструю и сокрушительную победу над вражеской конницей левого фланга (помните, что для меня они находились справа от центра).

В то же самое время, ровно тоже самое, но уже на своём правом фланге, проделал Раскупорид I. К сожалению, несмотря на первоначальный мощный натиск, в результате которого мой левый фланг едва ли не обрушился, его затея провалилось. Моя конница, расправившись с фракийской конницей Раскупорида I после долгой и упорной битвы, ударила врага в тыл, резко перевернув, тем самым, ход сражения на левом фланге.

Впрочем, и успеха особого мой левый фланг не добился – по сути, на левом фланге началась кровавая и затяжная битва, в ходе которой силы обеих сторон увязли и, по сути, более никак на исход битвы не влияли.

Тем временем, схлестнуться в битве успели центры обеих армий, по итогам которой выяснилась полная неспособность какой-либо из сторон победить другую. Здесь, также, как и на соседнем левом фланге моей армии, завязалось долгое и затяжное сражение, в котором увязли все те силы, что приняли в нём участие.

Таким образом, сам ход сражения предрешил, что исход битвы будет зависеть от того, кто именно победит на правом фланге. Иными словами, исход битвы решался тем, насколько успешной окажется моя ставка на правый фланг.

К счастью, моя затея была куда более успешной. В принципе, несмотря на урон, понесённый от вражеских застрельщиков, мой правый фланг успешно добрался до вражеских позиций и обрушил на него всю свою мощь и, как ни странно, постепенно стали теснить врага.

Впрочем, поражение Раскупорида, теперь неизбежное, когда последний, лишившийся резервов и более неспособный повлиять на положение дел на своём левом фланге армии, стал проигрывать на оном, стало катастрофическим в тот момент, когда моя кавалерия, завершившая к тому моменту разгром вражеской конницы, ударила со всей своей мощью по беззащитному вражескому левому флангу.

Последующие события стали для Раскупорида катастрофическими, так как очень быстро его левый фланг, не выдержав столь мощного давления лучших сил моей армии, дрогнул и, разумеется, принялся панически бежать.

Впрочем, если бы Раскупорид I хотя бы знал о том, что его левый фланг фактически перестал

существовать, он, возможно, и смог бы как-нибудь ускользнуть от моих усилий, но он, к счастью для меня, об этом не знал.

Находившийся в самой гуще битвы, он сражался не на жизнь, а на смерть, выказывая всяческие примеры истинного героизма. К сожалению, по этой же причине он не смог повлиять на дальнейший ход событий, в отличие от меня.

Опрокинув вражеский фланг, я тут же увлёк свою кавалерию и лёгкую пехоту наперерез отступающему врагу, вынуждая того искать другие способы выйти из всё сужающегося охвата. Несмотря на страхи, характерные для любого военного столкновения, сомнений в своей победе я не испытывал, а потому, как только мне удалось достичь тупика в лице горы, без толики промедления я обернулся к вражеским порядкам.

К тому моменту враг уже находился в клещах, так как моей правый фланг вытянулся в длинную линию, полностью охватившую врага, а потому, не медля и секунды, я в тот же момент, несмотря на усталость войск, обрушил свой последний удар на врага.

Вся та линия, что образовалась в тылу у врага, разумеется, последовала моему примеру, ибо среди моих командиров было немало опытных и талантливых полководцев, которые прекрасно осознали произошедшее, а потому, точно также, ни капли не сомневаясь в успехе, обрушили на ненавистных фракийцев всю свою ярость.

Недолго предстояло радоваться фракийцам, постепенно теснившим мои силы – мои силы уже ударили им в спину. Разумеется, вражеские задние порядки, удивлённые и шокированные подобным натиском, подались назад, чем вызвали хаос и стеснение в собственных рядах.

Заметив это, мои войска по другую сторону, до того медленно, но верно поддававшиеся давлению яростных фракийцев, внезапно усилили свой натиск, в результате чего сами начали теснить тех, кто немногим ранее был столь близок к победе над ними.

Как не трудно догадаться, очень быстро образовалась чудовищная давка. Большая часть армии Раскупорида I не могла не то что рукой пошевелить, чтобы ответить своему противнику, но и даже просто вздохнуть – настолько сильно его силы были стеснены в том котле, который образовался после полного завершения кольца окружения.

Каждую секунду умирали десятки и даже сотни несчастных фракийцев, загнанных в ловушку. Их силы таяли буквально на глазах, но худшее было ещё впереди – очень скоро их стали теснить к горам, где не было для них спасения – горы были крутые, плотные и высокие, а потому у врага не было и шанса укрыться от натиска египтян.

Котёл с каждой минутой сжимался всё плотнее, а давка становилась всё жестче. Вскоре погиб и доблестный Раскупорид I, а когда фракийцы об этом прознали, отчаяние и беспомощность охватили их войско.

Конец их страданиям наступил, впрочем, весьма скоро – уже начало вечереть, а мои солдаты уже изнемогали от жажды, голода и усталости после столь длительного и кровопролитного сражения. А потому, как только наступила темнота, бой и вовсе прекратился.

Враг сдался и его пощадили – 1/10 вражеского войска, едва уцелев после произошедшего, теперь была обречена быть обращённой в рабство...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2345687>